

≈ 25 мин

Этим материалом мы открываем цикл статей, посвящённый развитию методологии исторического исследования в раннесоветское время.

Как и всякое «методологизирование», эта тема малопопулярная. К тому же она междисциплинарная: учитывая особенности времени — тогда данная область исторической науки ещё не до конца обособилась, — мы имеем дело с чем-то на стыке техники исторического исследования, социальной философии, историософии и, собственно, методологии.

Тем не менее, мы считаем вопрос актуальным по нескольким причинам.

Во-первых, ни для кого не секрет, что истфаки нашей страны — чуть ли не главный кадровый резерв российских коммунистических организаций, поэтому освоение и расширение этого резерва требует особого внимания к данной области.

Во-вторых, пришла пора поднимать философские проблемы, которые находятся «поближе к земле». Для большинства наших читателей статьи вроде «**Основного вопроса советской философии**» и **дискуссия с «гносеологической» школой** всё ещё остаются малопонятными, чересчур теоретизированными материалами. Мы надеемся, что иллюстрации того, как общефилософские положения помогают в конкретном исследовании или, напротив, деформируют его, позволят нашей аудитории лучше разобраться в проблеме и осознать важность философских вопросов для марксизма.

Мы должны предупредить, что значительная часть изложенного в статье представляет собой известный архаизм даже с точки зрения позднесоветского времени. Например, проблемы исторического исследования ныне разработаны много детальнее. Дело отчасти в том, что во времена, когда начинался Союз, теоретическая часть и собственно техника исследования были обособлены: первое излагалось в учебниках по историческому материализму, а второе — в пособиях вроде «Методика исторического исследования» А. В. Шестакова. В отличие от бесчисленных учебников по истмату, книг второго рода было выпущено всего три штуки, так что перекос тут очевиден. Уже в позднесоветское время так никто не делал: и конкретные методы, и теоретические вопросы вроде детерминации общественных явлений, смысла и цели истории были под одной обложкой. Учебники по историческому материализму, в свою очередь, ушли ближе к социальной философии. А тот же сравнительно-исторический метод — больше не тень аналогии и признаётся даже общенаучным, а не специальным.

Но в чём тогда важность рассмотрения этих реликтов?

Во-первых, оно даёт понимание современных проблем и современной обстановки в исторической науке. Чтобы понять методологический кризис 90-х годов, нужно взглянуть на саму историческую науку в разрезе времени. Чтобы понять, почему истмат ушёл в отступление, надо проследить, как он развивался

и... разваливался.

Во-вторых, историческая наука решает всё те же вопросы, пусть и на другом уровне. В основе своей, в самом ядре дискуссий 20-х, поставленные проблемы и найденные решения всё ещё остаются актуальными.

Приступая к рассмотрению взглядов механистов и примыкающих к ним мыслителей на исторический материализм, следует отметить несколько важных моментов. Наименование «механисты» является данью сложившейся историографической традиции и отвергалось самими представителями направления. Сторонники данной линии, как и их оппоненты, считали себя ортодоксальными марксистами^{1 2}. Нужно также иметь в виду, что школа механистов никогда не была монолитным течением. Она оформилась в борьбе со школой «диалектиков» в качестве её антитезы, усмотрев в ней опасность «гегельянствующего» марксизма³. Позднейшими исследователями также отмечалось, что в генезисе всех советских философских школ того периода был некоторый элемент групповщины, что также было причиной идейной пестроты и уже внутренних столкновений⁴. Вместе с тем, один из представителей «диалектиков», Алексей Константинович Столяров, указывал, что, несмотря на разнообразие участников платформы, они всё же составляли цельное направление:

«Возьмите изданный механистами „Дискуссионный сборник“ под названием: „Механистическое естествознание и диалектический материализм“. Просмотрите речи представителей „механистического“ направления в марксизме, и вы увидите, насколько пестра армия механистов. Одни из них идут в своих выводах дальше, другие останавливаются ближе. Но для философской оценки их позиции в целом важно не то, что кто-либо из них останавливается на тех или других неполных, половинчатых выводах. Важна логика их позиции в целом, внутренняя логика их системы»⁵.

Более поздние исследователи также не брались это отрицать⁶.

Основными представителями данного направления были Л. И. Аксельрод (Ортодокс), В. Н. Сарабьянов, А. К. Тимирязев, А. И. Варьяш, И. И. Скворцов-Степанов, И. А. Боричевский, Г. Г. Боссэ, В. Т. Тер-Оганесов⁷ и др. Как и у диалектиков, у школы механистов были сторонники за рубежом — хоть и активно критикуемые ими, но, тем не менее, философски родственные. Это делало представителей данной школы такими же уязвимыми в политическом плане, как и их оппоненты. Н. А. Карев в своей критической статье против Л. И. Аксельрод не обошёл вниманием тот факт, что русские меньшевики-эмигранты, наблюдая за философскими дискуссиями в Советской России, солидаризируются именно с механистами, выступая против сторонников «гегелевской схоластики»⁸ Это был не единственный случай выдвижения подобных обвинений⁹.

Значимым для исследования является и тот факт, что данная школа была

широко представлена в первую очередь среди учёных-естественников. Обществоведов, прямо примыкавших к механистам, было немного, хотя в целом механистические идеи имели широкое распространение. В связи с этим вычленять обществоведческие взгляды механистов сложнее, чем естественно-научные. Тем не менее, есть резон говорить о механистических тенденциях, которые наблюдаются у отдельных авторов-обществоведов.

Коренной идеей этого направления в советском марксизме было отождествление философского понятия материи с естественно-научным^{10 11 12}, с определённой физической моделью строения мира, в то время как взгляды основоположников марксистского учения в этом плане было интерпретировать весьма сложно:

«Материя как таковая, это — чистое создание мысли и абстракция. Мы отвлекаемся от качественных различий вещей, когда объединяем их, как телесно существующие, под понятием материи. Материя как таковая, в отличие от определённых, существующих материй, не является, таким образом, чем-то чувственно существующим. Когда естествознание ставит себе целью отыскать единообразную материю как таковую и свести качественные различия к чисто количественным различиям, образуемым сочетаниями тождественных мельчайших частиц, то оно поступает таким же образом, как если бы оно вместо вишен, груш, яблок желало видеть

плод как таковой, вместо кошек, собак, овец и т. д. — млекопитающее как таковое, газ как таковой, металл как таковой, камень как таковой, химическое соединение как таковое, движение как таковое...»¹³

Это коренное положение ревизировалось механистами со всей откровенностью:

«...мы теперь не можем согласиться с Энгельсом, который писал, что „материя как таковая, это — чистое создание мысли и абстракция“. Точно так же я прямо признал, что мы уже не можем последовать за Энгельсом, который с большими сомнениями относится к стремлению естествознания „отыскать единую материю как таковую и свести качественные различия к только количественным различиям состава тождественных мельчайших частиц“»¹⁴.

Вокруг тезиса о сугубо естественно-научном значении категории «материя» в марксизме вращался целый круг взаимосвязанных вопросов.

У механистов имело место пренебрежение категорией качества, сведение всяких качественных изменений к количественным^{15 16}. Они, игнорируя категорию качества или сводя её к различиям существенных и несущественных движений¹⁷, неизбежно приходили к выводу, что всякое целое представляет собой механическую сумму составляющих его частей и не более того¹⁸.

Разложение всех «целых», в свою очередь, приводило данное направление к сведению всех форм движения материи к простому механическому движению¹⁹ — то есть ко сведению высших уровней материй к низшим, которое не только исходит из положения о тождественности философской категории «материя» с моделью атомного строения вещества, но и навязчиво подразумевает, что этот

приём единственно верный. Круг замкнулся.

Противники механистов характеризовали подобный подход как замену философского материализма учением о физическом строении материи²⁰. Парадокс: чем грубее философская категория материи привязывалась к естественно-научной, к определённой физической модели, тем ближе построение было к идеализму «на верхних этажах». Венгерский марксист Бела Фогарши, напрямую не участвовавший в советских дискуссиях, но публиковавшийся в ряде советских изданий, **также отмечал** взаимосвязь упрощённого понимания материи с отрицанием разницы между природой и обществом — правда, уже на западноевропейском материале.

Эти довольно общие и абстрактные вопросы редко занимают специалистов в той или иной области. При этом, когда их применяли к конкретным областям, они приводили к весьма специфическим выводам.

Во-первых, у механистов онтологическая проблематика целиком уходила в частные науки. Философия как таковая теряла самостоятельное значение²¹.

Во-вторых, практически все основополагающие дисциплины марксизма в их интерпретации теряли свой предмет. Диалектический материализм в ней сводился к совокупности достижений естествознания²². Исторический

материализм — к совокупности методов отдельных социальных наук²³. Как бы парадоксально это ни звучало, при таком подходе именно эмпирика становится важнее метода, а не наоборот²⁴. Когда общая методология — это простая сумма частных приёмов и методов, она не имеет никакого самостоятельного значения, не способна оказывать обратное влияние на свои части: ведь нет качественного различия между целым и частями. Иной же подход, допускающий обратное влияние, рассматривался механистами как догматизация и вмешательство извне, попытка философии командовать частными науками, попытка навязывать специалистам чуждые им схемы²⁵. На самом же деле всё это суть классический позитивистский тезис о том, что никакая философия не нужна, ибо каждая наука — сама себе философия.

Факт разделения механистами наук не по предмету, а по методу отнюдь не случаен. Предмет не может играть существенной роли там, где нет онтологии. Это, в свою очередь, дополнительно закрепляло отрыв философии от частных наук. Например, в той же исторической науке целый ряд авторов проводил разделение на «теоретический уровень» в виде философии истории или социологии и «эмпирический» в виде собственно истории^{26 27}. Этот взгляд почти полностью совпадал с позицией западноевропейского позитивизма²⁸. Система из этих двух уровней замкнута, и никакая философия, суммирующая наиболее общие результаты изучения всей действительности, здесь не нужна. У каждой науки появляется дисциплина об обобщениях и дисциплина, поставляющая материал для обобщений. Каждая наука — сама себе философия.

Но и это ещё не все последствия. Поскольку онтология де-факто удалена из рассмотрения, а качественно различные уровни материи провозглашены

сводимыми один к другому (общество к биологии, биология к химии и т. д.), то методологический монизм понимается как простое сведение всех методов до универсального естественно-научного, который в выстроенной системе становится применим ко всему.

При этом важно отметить, что механисты выступали категорически против перенесения уже готовых законов механики на общество, считая это недопустимым упрощением^{29 30}. Речь шла о механике именно как о методе, об идеале³¹. Л. И. Аксельрод, например, считала возможным применение естественно-научного эксперимента в исторической науке в почти первоначальном виде³², а вот перенос готовых закономерностей из природы в общество она же считала лишь видимостью научности.

Откровенно за применение принципа сводимости в отношении общества и методов его изучения выступал Георгий Густавович Боссэ³³. На столь же радикальных позициях был и А. И. Варьяш:

«...Плеханов признал, что современная наука не может свести явления жизни и мышления к молекулярной механике, но что это не следует считать её сильной, а, наоборот, её слабой стороной»³⁴.

Ещё один философ-механист, И. Е. Орлов, пропагандировал «крайнюю осторожность» в перенесении методов из естественно-научной сферы в обществоведческую, но в естественно-научной безусловно отдавал приоритет сведению всех сложных явлений к более простым вплоть до молекулярной механики³⁵. О различии метода исторического материализма и естественных наук говорил также И. И. Скворцов-Степанов³⁶. Но всё это так и осталось

благопожеланием: внутренняя логика построения неумолимо влекла механистов к механическому переносу методов из одной области в другую, к их абсолютизации.

Всё это, разумеется, повлияло и на понимание общественных закономерностей. У механистов понимание законов было ближе к позиции контизма, где некие наиболее общие законы распространяют своё действие на все сферы действительности, и в каждой области к ним лишь добавляются её особые специфические законы. Вот что писала Л. И. Аксельрод:

«И в общей цепи расположения естественных наук мы видим восхождение от простого к сложному, от менее сложного к более сложному. Химия, например, сложнее физики, потому что она включает в себе и законы физики и плюс её собственные законы...»³⁷

Социологи, примыкавшие к школе «диалектиков», смотрели на проблему совершенно иначе:

«Было бы жестокой ошибкой понять это таким образом, будто в природе самостоятельно существуют двоякого рода законы — одни общие, а другие частные, специфические. Тогда мы пришли бы ко взгляду Конта, полагавшего, что наиболее общие законы распространяют свое действие на все сферы природы и к ним лишь добавляются в каждой области её особые специфические законы. Диалектический материализм Маркса потому и имеет право называться диалектическим, что разрешает эту проблему иначе. С точки зрения диалектического материализма, дело обстоит таким образом: частные законы отдельных областей природы не

представляют собой каких-то особых самостоятельных законов, а суть лишь особые проявления общих законов, обнаруживающихся в каждом соединении материи всегда в особой специфической форме. И напротив: общие универсальные законы в чистом виде, без всяких осложняющих условий, могут быть установлены лишь путём логического анализа. В действительной же жизни они непосредственно не выступают, а обнаруживаются в каждом особом соединении материи в виде особых специфических законов данного соединения»³⁸.

Таковы, если вкратце, те принципы, которые продвигали представители механистической школы в раннесоветской философии относительно общественных наук. Конкретизировать их осуществление применительно к той или иной проблематике или при изложении в учебниках по историческому материализму мы рассчитываем в следующих публикациях.

Пока что остановимся на том, что основным методологическим положением механистов было отрицание предметного деления дисциплин. Это уже само по себе имело далеко идущие последствия. Достаточно посмотреть, куда приходят философы, проводящие эту идею на идеалистической платформе, то есть откровенно, последовательно и честно:

«Нужна ли, напр., убежденность в реальном существовании её [науки — В.

П.] объектов? Я утверждаю, что законы физики и химии совершенно одинаковы и при условии реальности материи и при условии её нереальности и чистой субъективности. Я могу быть вполне убежден в том, что физическая материя совершенно не существует и что она есть порождение моей психики, и все-таки быть настоящим физиком и химиком. Это значит, что научное содержание этих дисциплин совершенно не зависит от философской теории объекта и ни в каком объекте не нуждается»³⁹ .

А ведь к подобного рода утверждениям и приводит известная тенденция отрицания онтологии. Намечается дорожка к отождествлению бытия и мышления. Это происходит на фоне тенденций того времени в буржуазной философии: феноменалистически низводить онтологию до простого инвентаря атомарных фактов в «пространстве единого опыта», как это делали позитивисты, или проповедовать откровенный идеализм, как это делали феноменологи. Сразу вспоминаются чванливые реплики, которых было достаточно в сторону Lenin Crew в период, когда шла активная критика воззрений Э. В. Ильенкова и его последователей: «Кто-нибудь понимает практическую значимость спора?» Действительно, какие непринципиальные вопросы! «Просто» материалисты теряют действительность, «просто» борьба за метод познания. Завтра левые уже теорию прибавочной стоимости отдадут, хотя... учитывая популярность экономистов с Рабкора, уже отдают.

Но ближайшим и самым наглядным результатом игнорирования специфики рассматриваемых предметов со стороны школы механистов было свободное перенесение методов исследования из одной сферы на другую. А поскольку

действительность они сводили в конечном счёте до механического движения, эта школа декларировала перенос методов естественных наук на общественные и, в частности, в сферу исторического исследования.

Хотя некоторые представители механистов сами были критиками махизма в дореволюционный период⁴⁰, позднесоветские исследователи в целом верно отмечали позитивистский характер данного течения⁴¹.

Отмеченные нами ключевые положения о беспредметности диамата и об экстраполяции методов пригодятся нам уже при рассмотрении конкретных авторов.

Как видно из нашей статьи, отвлечённые вопросы, кажущиеся зачастую слишком абстрактными и теоретизированными могут оказать самое непосредственное влияние на определение границ допустимого в исследовании и понимание глобальных задач. И так повсюду, ибо всякий «методологический кризис» есть не только проблема конкретных приёмов и техник исследования. Кризис — это также упущение глобальной цели, потеря некой цельной мировоззренческой модели. Эти две составляющие кризиса тесно взаимосвязаны, ибо сама методология тесно связана как с общей теорией изучаемой дисциплины, так и с общим мировоззрением.

Нашли ошибку? Выделите фрагмент текста и нажмите Ctrl+Enter.

Примечания

1. См. например Л. И. Аксельрод-Ортодокс. Мой ответ // *Диалектика в природе. Сборник по марксистской методологии естествознания. Сборник второй.* — Вологда: Северный печатник, 1927. С. 302. ↩
2. А. И. Варьяш. Об общих законах диалектики в книге Энгельса «Диалектика Природы» // *Диалектика в природе. Сборник по марксистской методологии естествознания. Сборник третий.* — Вологда: Северный печатник, 1928. С. 114. ↩
3. Исторический материализм в СССР в переходный период 1917–1936 гг. : Ист.-социол. очерк / Б. А. Чагин, В. И. Клушин; Отв. ред. А. А. Федосеев; АН СССР, Науч. совет по истории обществ. мысли. — М. : Наука, 1986. С. 132. ↩
4. Ксенофонтов В. И. Ленинские идеи в советской философской науке 20-х годов (дискуссия «диалектиков» с механистами). Л. : Издательство Ленинградского университета, 1975. С. 55. ↩
5. Столяров, А. К. Субъективизм механистов и проблема качества. М., Л. : Московский рабочий, 1929. С. 187. ↩
6. Ксенофонтов В. И. Ленинские идеи в советской философской науке 20-х годов (дискуссия «диалектиков» с механистами). Л. : Издательство ленинградского университета, 1975. С. 78. ↩
7. Исторический материализм в СССР в переходный период 1917–1936 гг. : Ист.-социол. очерк / Б. А. Чагин, В. И. Клушин; Отв. ред. А. А. Федосеев; АН СССР, Науч. совет по истории обществ. мысли. — М. : Наука, 1986. С. 64. ↩

8. Карев, Н. А. Л. Аксельрод на пути от материализма к позитивизму // *Под знаменем марксизма*. 1928. № 9–10. С. 18. ↩
9. Столяров А. К. Диалектический материализм и механисты : наши философские разногласия / А. Столяров. 3-е изд., стер. [Ленинград]: Прибой, 1930. С. 7. ↩
10. Выступление Ф. М. Перельмана // *Современные проблемы философии марксизма* : Доклад А. М. Деборина : Прения по докладу и заключительное слово. М. : Изд-во Коммун. акад., 1929. С. 132–134. ↩
11. Тимирязев А. К. Из области «наших разногласий» с т. Дебориным // *Диалектика в природе. Сборник по марксистской методологии естествознания. Сборник третий*. Вологда: Северный печатник, 1928. С. 53-54. ↩
12. Орлов И. Е. О диалектической тактике в естествознании // *Диалектика в природе. Сборник по марксистской методологии естествознания. Сборник третий*. Вологда: Северный печатник, 1928. С. 155. ↩
13. Энгельс, Ф. Диалектика природы. ПСС. Т. 20. С. 570. ↩
14. Степанов И. И. Диалектический материализм и Деборинская школа. М.: Гос. изд-во ; Л. : Гос. изд-во, 1928. С. 39. ↩
15. Варьяш А. И. Об общих законах диалектики в книге Энгельса «Диалектика природы» // *Диалектика в природе. Сборник по марксистской методологии естествознания. Сборник третий*. — Вологда: Северный печатник, 1928. С. 92. ↩
16. Ещё пример — см. Перельман Ф. М., Рубановский Л. М., Великанов И. М. Два уклона в марксистской философии // *Диалектика в природе. Сборник по марксистской методологии естествознания. Сборник второй*. — Вологда: Северный печатник, 1927. С. 293. ↩
17. Орлов И. Е. Механика и диалектика в естествознании // *Диалектика в природе. Сборник по марксистской методологии естествознания. Сборник второй*. Вологда: Северный печатник, 1927. С. 119–121. ↩

18. Перельман Ф. М., Рубановский Л. М., Великанов И. М. Два уклона в марксистской философии // *Диалектика в природе. Сборник по марксистской методологии естествознания. Сборник второй*. — Вологда: Северный печатник, 1927. С. 286. ↩
19. Рубановский Л. М. К проблеме материи // *Диалектика в природе. Сборник по марксистской методологии естествознания. Сборник третий*. — Вологда: Северный печатник, 1928. С. 239. ↩
20. Подволоцкий, И. П. «Диалектика в природе» (к выходу второго сборника «Диалектика в природе. Сборник по марксистской методологии естествознания») // *Вестник коммунистической академии*. 1927. № 20. С. 256. ↩
21. Перельман Ф. М., Рубановский Л. М., Великанов И. М. Два уклона в марксистской философии // *Диалектика в природе. Сборник по марксистской методологии естествознания. Сборник второй*. — Вологда: Северный печатник, 1927. С. 284. ↩
22. Степанов И. И. Исторический материализм и современное естествознание. 2-е изд. М.; Л., 1926. С. 55. ↩
23. Сарабьянов В. Н. Исторический материализм : Популярные очерки. Изд. 3-е. М. : Московский рабочий, 1922. С.16–19. Тезис оставлен без изменений во всех последующих изданиях. ↩
24. Аксельрод, Л. И. В защиту диалектического материализма : Против схоластики / Л. И. Аксельрод-Ортодокс. М. ; Л. : Гос. изд-во, 1928. С. 221–226. ↩
25. Перельман Ф. М., Рубановский Л. М., Великанов И. М. Два уклона в марксистской философии // *Диалектика в природе. Сборник по марксистской методологии естествознания. Сборник второй*. — Вологда: Северный печатник, 1927. С. 266–267. ↩
26. Аксельрод (Ортодокс) Л. И. Идеалистическая диалектика Гегеля и материалистическая диалектика Маркса. Изд. 2-е. М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. С. 89, С. 22, С. 28, С. 30, С. 73. ↩

27. Бухарин Н. И. Теория исторического материализма : Популярный учебник марксистской социологии. М. : Вече, 2008. С. 21–22. ↩
28. Барт Пауль. Философия истории как социология: Пер. с нем. Изд. стереотип. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2014. С. 10. ↩
29. Аксельрод (Ортодокс) Л. И. Критика основ буржуазного обществоведения и материалистическое понимание истории : курс лекций. Изд. 2-е. М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. С. 68-69. ↩
30. Васильев С. Ф. К характеристике механистического материализма // *Диалектика в природе. Сборник по марксистской методологии естествознания. Сборник второй*. — Вологда: Северный печатник, 1927. С. 32–48. ↩
31. Аксельрод (Ортодокс) Л. И. Идеалистическая диалектика Гегеля и материалистическая диалектика Маркса. Изд. 2-е. М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. С. 8. ↩
32. Аксельрод (Ортодокс) Л. И. Критика основ буржуазного обществоведения и материалистическое понимание истории : курс лекций. Изд. 2-е. М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. С. 12. ↩
33. Речь тов. Г. Г. Боссэ // *Механистическое естествознание и диалектический материализм : Дискуссия о книжке Степанова «Современное естествознание и исторический материализм» в Совете НИТа 8 февр. 1925 г. / Степанов, Тимирязев, Левин [и др.]*. Вологда : Северный печатник, 1925. С. 63–64. ↩
34. Варьяш А. И. Материя и её атрибуты // *Диалектика в природе. Сборник по марксистской методологии естествознания. Сборник четвёртый*. М.: Северный печатник, 1929. С. 10. ↩
35. Орлов И. Е. О диалектической тактике в естествознании // *Диалектика в природе. Сборник по марксистской методологии естествознания. Сборник третий*. Вологда: Северный печатник, 1928. С. 160–163. ↩

36. Степанов И. И. Исторический материализм и современное естествознание : Марксизм и ленинизм : Очерки современного мировоззрения / И. Степанов. М. : Гос. изд-во, 1925. С. 43. ↩
37. Аксельрод (Ортодокс) Л. И. Критика основ буржуазного обществоведения и материалистическое понимание истории : курс лекций. Изд. 2-е. М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. С. 6. ↩
38. Оранский С. А. Основные вопросы марксистской социологии. Т. 1. 3-е изд. Л. : Прибой, 1931. С. 114–115. ↩
39. Лосев, А. Ф. Философия. Мифология. Культура. М. : Политиздат, 1991. С. 36. ↩
40. Аросин, Д. Л. И. Аксельрод-Ортодокс. (К 25-летию философской деятельности) // *Диалектика в природе. Сборник по марксистской методологии естествознания. Сборник первый.* — Вологда: Северный печатник, 1926. С. 15–21. ↩
41. Исторический материализм в СССР в переходный период 1917–1936 гг. : Ист.-социол. очерк / Б. А. Чагин, В. И. Клушин; Отв. ред. А. А. Федосеев; АН СССР, Науч. совет по истории обществ. мысли. — М. : Наука, 1986. С. 174. ↩